

Вырезка из газеты

УЧИТЕЛЬСКАЯ

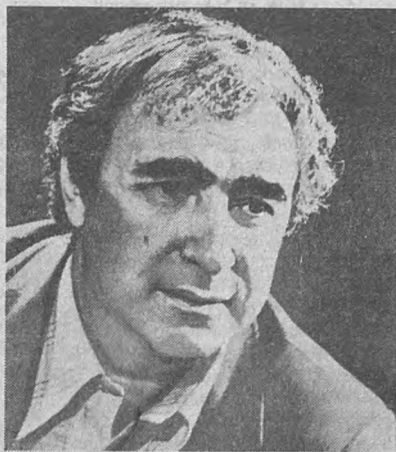
7 OKT 1980

г. Москва

Газета №

Нодар ДУМБАДЗЕ:

«ПОМНИТЬ О ЗАКОНЕ ВЕЧНОСТИ...»

«Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее... И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обесмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так далее до бесконечности... Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни...»

Эта формула человеческих взаимоотношений взята из романа известного грузинского писателя Нодара Думбадзе «Закон вечности», удостоенного Ленинской премии 1980 года. Сегодня писатель — гость «Учительской газеты». Он размышляет о воспитательном значении писательского слова, о возможностях развития нашей многонациональной литературы, о связи всей нашей жизни — ее гуманизма, законов добра и нравственности — с будущим человечества.

У ПИСАТЕЛЯ есть одна огромная миссия — сохранить для потомков традиции и язык своего народа. Вот почему профессию писателя можно сравнить с профессией врача-исцелителя, с ремеслом ислекателя жемчуга. А может быть, труд писателя похож на труд человека, который роет в пустыне Гоби или Сахаре артезианский колодец и не знает, найдет он воду или нет?

У Ильи Чавчавадзе есть в стихах превосходная мысль о том, что его, поэта, назначает небо, и он творит для того, чтобы вести вперед свою нацию. Для Чавчавадзе это была формула его жизни. Он был государственным мужем, и он научил нас, грузинских писателей, тому, чтобы быть готовыми говорить от имени народа, высказывать его чаяния, помогать ему.

Но у писателя есть еще одна не менее важная миссия — воспитание людей, воспитание молодежи, ибо она в будущем придет на смену нам, старшим, и будет управлять государством. Мы воображаем, что время уходит, а время не уходит, оно вечно! Это мы, люди, уходим в вечность, успевая или не успевая оставить свой след на земле. Вот почему герой моего романа «Закон вечности» и рассуждает о том долге человека перед человеком, который он обязан исполнить в своей жизни. Да, это так, закон вечности нашей жизни в том, чтобы помогать друг другу. Чтобы все, что есть лучшего в нас, передавалось дальше, по эстафете жизни. И так без конца... У нас в Тбилиси есть парк Победы, и кажется, совсем недавно, в студенческие годы, тогдашний наш ректор университета Кецхелавели приводил нас сюда после лекций засаживать деревьями голые тогда склоны, перекошенное поле. А недавно я вновь гулял по этой аллее — саженцы те стали взрослыми. И мы вместе с ними повзрослели. Вот и оказалось, что для себя, для своих детей и внуков сажали мы деревья.

Значит, закон вечности в ду-

ховном, в нравственном воспитании человека, в делах.

Вспоминаю свое детство... Родителей у меня не было, жил я среди людей преклонного возраста, воспитывался бабушкой. Шла война, и я повзрослел рано. Старик учил меня на собственном примере. «Они не говорили «не делай этого или того». Я просто наблюдал за ними, и приходил опыт уже своей жизни. Недаром в шутку говорят, что старики для того и существуют, чтобы молодые не повторяли их ошибок. В сорок первом году мне было 13 лет. Я считался главой семьи, хотя мне никто об этом не говорил. И вот однажды — я запомнил это на всю жизнь — к нам пришла соседка, попросила займы спичек, тогда они считались настоящим богатством в доме, и я услышал, как бабушка громко, чтобы я слышал, сказала: «Подожди минутку, я пойду спрошу у мужчины». Я удивился, ведь бабушка была в семье «монархом». И тут во мне что-то пробудилось, я действительно мгновенно повзрослел, почувствовал, что я чего-то стою. Вот что такое психология воспитания, мудрость личного примера.

Жизнь среди мудрых, опытных людей помогла мне сохранить многое для своего писательского ремесла. В сущности почти все мои книги, романы, повести, рассказы автобиографичны.

В детстве я благоговел перед книгами, которые учили меня добру и щедрости. И сейчас я, как бы отплачивая великим книгам, их авторам, сам благоговей перед читателем. Я не могу не считаться с его мнением, не могу не прислушиваться к его голосу. Мы друг друга как бы воспитываем.

И здесь действует закон вечности: одно переходит в другое. Писатель должен иметь мужество сказать читателю правду о его жизни во времени, а читатель должен иметь мужество эту правду принять. И понять. Вот почему я не представляю себе немужественного писателя. Когда я стою лицом к лицу со своим временем, я не

могу быть тенденциозным. Я должен оценить свое время и человека в нем как бы со всех сторон. Человек — это не фреска, это скульптура, и надо отойти и посмотреть, чтобы увидеть его объемно, как он есть.

Мы живем в великой стране — стране братства народов и наций. Как мне было приятно, когда в Лондоне коллеги-писатели, увидев мое имя в Большой Советской Энциклопедии, с большим уважением отнеслись ко мне и как к представителю маленькой нации, одной из многих населяющих Советский Союз. Меня спрашивали о разном: о трудностях в работе, о возможности издаваться, о свободе творчества. И вот один писатель с горечью сказал, что его народ не слушает писателей, не внимает их слову. Я был удивлен и рассказал о том огромном уважении, которое испытывает наш советский читатель к писательскому слову.

Многому я дивился в Америке. Что и говорить, технический прогресс высок! Но духовная жизнь, свобода «порнографии духа» ошеломляет. Этого наш народ никогда не примет. В Сан-Франциско я уступил место старой женщине, индианке. Я заметил, что все были удивлены. Им это было трудно понять. Раз я заплатил за билет, значит, имею право сидеть. Но ведь есть еще моральный кодекс: старая женщина стоит, почему я, человек моложе ее возрастом, должен сидеть?

Выступая перед читателями за рубежом и у нас, я рассказываю о своем творчестве, об истории создания той или иной вещи. Меня спрашивали, как я решился написать роман «Закон вечности». Дескать, роман этот получился остроконфликтным, отменяющим некоторые негативные стороны нашей жизни. И я отвечаю всегда, что в этом-то и демократия писательского ремесла — писать о том, что лежит у тебя на сердце. Конечно, многие считают, что этот роман мог появиться на свет только после известных решений ЦК партии о грузинской партийной организации. И правильно считают, ибо в нашей стране помыслы партии и народа совпадают. Некоторые мне говорили: как это я, сын маленькой нации, решился вынести сор из избы! А я так не расцениваю свою работу. Больной, который скрывает свою болезнь от врача, не выживет. Он должен открыться тому, кто может и хочет его спасти, помочь в беде. Так и мы, люди, должны говорить друг другу правду, помогать, когда бывает трудно. В этом тоже закон вечности.

Недавно в Гори возвели памятник павшим в Отечественную войну: юноша с мечом в руках, оседлавший льва. Высокая символика видится мне в этом творении скульптора. Когда я смотрел на памятник, я думал о многом: о преходящем и вечном, о добре и зле. Рядом с памятником я увидел старого крестьянина с бурдюком красного вина. Он останавливал прохожих и проезжающих, предлагая выпить чарку за упокой души своего погибшего друга Ладо. Значит, и в этом закон бессмертия: нет у нас безымянных героев, бойцов, отдавших свои жизни за свободу. У всех погибших остались друзья и близкие, остались имена. Долго я буду помнить этого старого человека, который не забывает погибшего много десятилетий назад друга. Может быть, я напишу о нем повесть...

Вот так мы связаны в жизни друг с другом. Из одного доброго вытекает другое. Но в моих книгах не всепрощающее добро! Я пишу жизнь такой, какая она есть. Иначе нельзя. Иначе обманешь и себя и читателя. В последней моей повести подросток убивает человека. Он совершает самое страшное на земле зло. Как ему жить дальше? И он просит совета у бывалого человека, который понимает, что от его ответа зависит вся жизнь этого мальчишки. И он говорит ему всю правду: и я, быть может, в такой ситуации поступил бы так же, но только это ведь убийство человека. И оба они плачут...

Меня часто спрашивают, почему именно в последние десятилетия много говорят о рождении так называемой новой грузинской прозы, представителем которой считаю и себя. Действительно, сегодня не только у нас в стране, но и за рубежом известны имена Панджикидзе и Сулакаური, Амiredжиди и Чиладзе.

Вот и мое поколение, к которому я принадлежу скорее по духу, чем по возрасту (ибо не воевал), возвратившись с войны, более обострило внимание к движению человеческой души, к воспеванию доброго начала в человеке и в человечестве, к гуманизму. А сейчас родилось уже иное поколение, и у него уже своя, тоже интересная проза. А быть хорошим прозаиком в Грузии трудно — ведь приоритет всегда был на Востоке за поэзией. И сам я по сей день от времен юности «грешу» стихами.

Вообще я очень люблю писать для молодежи и о молодежи. В сущности, во всех моих книгах действует один и тот же герой, только в разные годы и в разных ситуациях. Я прослеживаю его жизнь с детства, наблюдаю, как он мужает, как происходит становление его характера, как он ведет себя в разных жизненных ситуациях.

И, надо сказать, молодые читатели платят мне тоже, если можно так сказать, «почти неосознанной» благодарностью. Как-то я получил письмо. Вскрываю, читаю — и настроение было веселым целый день: «Уважаемый Нодар Владимирович! Я прочла ваш роман «Я вижу солнце». Ничего подобного в своей жизни я не читала! Ученица четвертого класса»...

Записал
Феликс МЕДВЕДЕВ.
Москва—Тбилиси.